

статичное описание исследовательских объектов (даже весьма отдаленных от нас эпох), сколько исследование их изменения — этнических процессов. В этом одна из характерных черт современного развития этнографической науки. Не случайно в настоящее время главное приоритетное ее направление определяет комплексная программа «Этническая история и современные национальные процессы»²⁵. Концентрация основных усилий советских этнографов на разработке данной программы — важнейшая задача перестройки их научной деятельности. А это, в свою очередь, еще одно из свидетельств воздействия логико-системного подхода к предмету этнографии на ее развитие.

Важнейшее значение для разработки указанной комплексной программы приобретает тесное взаимодействие этнографов с представителями смежных дисциплин. Особенно это важно для развертывания исследований современных национальных процессов, происходящих в нашей стране. Январский (1987 г.) Пленум ЦК КПСС особо подчеркнул значение объективного изучения реальных явлений в сфере национальных отношений, отметив недопустимость замалчивания противоречий и негативных явлений в этой сфере, «недостаточную проработку вопросов национальной политики, соответствующей современному этапу развития страны»²⁶.

Исходя из задач внедрения научных знаний в практику, наиболее важно сейчас найти механизмы для такого внедрения. Существенную роль в данном отношении призван сыграть создаваемый сейчас Центр по изучению национальных отношений при секции общественных наук Президиума АН СССР. На Центр возлагается задача координации и активизации соответствующих исследований как в академических институтах, в том числе республиканских, так и в вузах, усиление связи этих исследований с практикой. Центр создается на базе Института этнографии АН СССР. И это, разумеется, налагает особые обязательства на наших этнографов. Правда, может показаться, что многие проблемы, которыми предстоит заниматься Центру, лежат за пределами этнографической науки. Однако современная этнография в силу многогранности своего основного исследовательского объекта в той или иной степени причастна практически к изучению всех сторон национальных (этносоциальных) процессов. Особенно это относится к «окружающим» этнографию все более плотным кольцом пограничным дисциплинам: от этноэкономики и этноэкологии до этносоциологии и этнопсихологии. И в этой связи нужны не столько громогласные призывы к перестройке этнографической науки, сколько реальное участие ее представителей в решении тех новых задач, которые выдвигает перед ней революционное обновление нашего общества.

²⁵ См. Вопросы истории. 1987. № 9.

²⁶ Материалы январского Пленума ЦК КПСС. 27—28 января 1987 г. С. 40.

ОТ РЕДАКЦИИ

Прошедшая в журнале дискуссия о месте этнографии в системе наук, ее школах и методах, начатая статьей Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова в № 3 за прошлый год, — едва ли не самое оживленное обсуждение актуальных проблем нашей науки, организованное «Советской этнографией» за последние годы. Это и понятно: активизация теоретической работы, стремительный рост массы накопленного материала, быстрое (иногда, быть может, даже чересчур стремительное) развитие «пограничных» субдисциплин — все это заставляет основательно осмысливать важнейшие вопросы содержания и границ нашей науки. И, хотя непосредственным поводом к дискуссии послужила завершающаяся подготовка второго выпуска Свода этнографических понятий и терминов, однако же интерес, проявленный ее участниками и их многочисленность

свидетельствуют о том, что потребность в таком осмыслении ощущается весьма основательно.

В ходе обсуждения было высказано немало интересных и, по всей видимости, плодотворных идей. Пересказывать их в кратком редакционном заключении, разумеется, нет смысла. Поэтому стоит, как представляется, остановиться на немногих вопросах, имеющих принципиальное значение.

Можно, пожалуй, сказать, что обсуждение с самого начала пошло не тем путем, которого, казалось бы, можно было ожидать. В самом деле, оно развивалось, так сказать, «от дефиниций» и лишь затем обращалось к фактам, составляющим вторую половину названия исходной статьи, а именно — школам и методам. Но такое направление движения вовсе не обязательно должно считаться бесспорным. Не менее логично было бы начать с истории становления этнографии как науки и уже потом характеризовать наше сегодняшнее понимание содержания данной дисциплины, которое ведь само по себе есть результат достаточно продолжительной исторической эволюции. И внимание, которое выступавшие в дискуссии уделили именно истории этнографической науки, служит косвенным доказательством правомерности и желательности как раз такого подхода, позволяющего видеть, как из сравнительно слабо организованного множества заслуживающих изучения сюжетов выкристаллизовывается более или менее ясное представление об объекте исследования, его предмете и о месте такого исследования в общей системе человеческого знания. Дискуссия показала необходимость систематических историографических исследований, которые позволили бы построить современную концепцию, как зарубежной, так и советской этнографии. Особенно актуальным представляется изучение истории этнографии в послесоветский период.

В данной связи особого внимания заслуживает вопрос о соотношении этнографии и истории. Справедливо отмечалась в ходе обсуждения неправомерность как смешения разных уровней понятия «история», так и простого сведения этнографии к роли одной из исторических субдисциплин. Само собой разумеется, что все сказанное ни в коей мере не означает покушения на принцип историзма, остающийся краеугольным камнем любого марксистского исследования в сфере общественных наук, на что также указывалось не раз в ходе дискуссии.

С другой стороны, соблюдение этого принципа обязывало бы всех участников обсуждения осторожнее подходить к вопросу о том, кого из наших предшественников считать этнографами, а кого нет. К сожалению, в дискуссии прозвучало не слишком много трезвых голосов, обращавших внимание на то, что сегодняшние наши критерии, так сказать, «дисциплинарной» принадлежности едва ли корректно безоговорочно распространять на таких ученых, как, скажем, Э. Тайлор или даже Л. Морган. Другая эпоха — другие представления о содержании науки. Но в той мере, в какой результаты исследований этих ученых вошли в базовый фонд наших современных знаний, они останутся классиками этнографии и по нынешним меркам.

Бесспорно положительный результат дискуссии — согласие относительно необходимости дальнейшего совершенствования понятийно-терминологического аппарата нашей науки. И речь идет не только о снова возникшей в ходе обсуждения проблеме типов этнических общностей. Можно достаточно определенно сказать, что и авторы основной статьи, и участники ее обсуждения оказались более или менее единодушны в том, что касается восстановления в правах термина «этнология», практически понимаемого ныне как синонимичный привычному с 1930-х годов термину «этнография». Положительное значение этого обстоятельства для облегчения взаимопонимания с зарубежными коллегами по вопросам, не связанным с принципиальными методологическими разногласиями, трудно переоценить. Что же касается термина «социальная/культурная антропология», то нелишне будет заметить, что отношение и к нему, если судить по прошедшей дискуссии, заметно «смягчилось», отойдя от категорического неприятия, характерного для прошлых лет. По-видимому, новое мышление пробивает себе дорогу не только в международных отношениях.

В заключение редакция решительно поддерживает высказанный в ходе дискуссии призыв к скорейшей перестройке нашей этнографической науки на основе и в условиях гласного и демократического обсуждения назревших в ней проблем. Хочется надеяться, что прошедшее обсуждение в журнале статьи Ю. В. Бромлея и М. В. Крюкова «Этнография: место в системе наук, школы, методы» будет скромным, но в определенной мере полезным шагом в нужном направлении.